

PHILOSOPHIA PERENNIS

УДК 141.32

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/118-123

С.А. Демидова*

ЧЕЛОВЕК БУНТУЮЩИЙ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ БУНТА У ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА И АЛЬБЕРА КАМЮ

Статья посвящена актуальной для современных социально-гуманитарных наук проблематике бунта. Автор предлагает рассмотрение феномена бунта как экзистенциальной проблемы на примере литературно-философского творчества Леонида Андреева и философии Альбера Камю. Особое внимание уделяется анализу понятия «метафизический бунт», занимающего одно из центральных мест в системе художественных и философских координат двух мыслителей. Подходы Андреева и Камю к природе бунта, видам и формам его выражения являются продуктивными для последующих философских, культурологических, исторических концепций бытия человека.

Ключевые слова: Л.Н. Андреев, А. Камю, бунт, экзистенциальный выбор, смысл жизни, смерть, свобода, абсурд

The rebellious man: the existential concept of rebellion of Leonid Andreyev and Albert Camus. SERAFIMA A. DEMIDOVA ((National University of Science and Technology MISiS).

The article is devoted to the problem of rebellion, which is of great importance for current humanities and social sciences. The author explores the phenomenon of rebellion as an existential problem of the literary and philosophical works of Leonid Andreyev and the philosophy of Albert Camus. Special attention is paid to the analysis of the concept of «metaphysical rebellion», which plays one of the central roles in the system of artistic and philosophical coordinates of the two thinkers. The approach of Andreyev and Camus to the nature of the rebellion, the types and forms of its expression could be of great interest for the future philosophical, cultural or historical concepts of human existence.

Keywords: Leonid Andreyev, Albert Camus, rebellion, existential choice, meaning of life, death, freedom, absurd

Проблема бунта является одной из сквозных тем и литературно-философского творчества русского писателя, публициста, драматурга, мыслителя Леонида Николаевича Андреева (1871-1919), и идейного наследия французского прозаика, драматурга, эссеиста, философа Аль-

бера Камю (1913-1960). Оба эти мыслителя, жившие в разные эпохи, на удивление интеллектуально созвучны в своем устремлении объявить категорию «бунта» одним из основополагающих понятий собственных оригинальных концепций человека. Герои-бунтари Андреева

* ДЕМИДОВА Серафима Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСиС».

E-mail: amifares@mail.ru

© Демидова С.А., 2018

во многом идеино предопределили «взбунтовавшегося человека» Камю. И хотя о каком-либо заимствовании французским мыслителем андреевских идеино-концептуальных построений речи вестись не может, необходимо отметить общие тенденции в экзистенциальном по своей сути творчестве Андреева с традициями западноевропейской философии от С. Кьеркегора до М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра. Многие взгляды Андреева предвосхитили, а отчасти даже определили философские идеи и формулы французского экзистенциализма, а также новые способы и средства выражения экзистенциальной сущности кризисного, «ломающегося» сознания нового столетия.

Исследуя проблему бунта у Андреева и Камю, можно с уверенностью сказать, что Андреев, вынеся экзистенциальные уроки Ф.М. Достоевского и Ф.В. Ницше, стоит у истоков философии о людях «бунтующего духа», в то время как у Камю «философия бунта» получает свое последовательное развитие и наиболее полную, законченную форму. Идеино-эстетическое наследие Андреева и Камю можно смело охарактеризовать как «бунт в искусстве». Именно искусство, которое «наделяет формой ценности, неуловимые в потоке вечного становления» [5, с. 320], может окончательно прояснить для нас смысл бунта, так как бунт представлен в нем «по ту сторону истории, в чистом состоянии, в своей первозданной сложности» [5, с. 316]. По Камю, творчество – это тяга к единению и в то же время отрицание мира. Но творчество всегда отрицает мир за то, чего ему недостает, во имя того, чем он, мир, хотя бы иногда является. Выдающиеся произведения искусства не могут и не должны быть отделены от реальности в силу того, что вся безмерность их величия остается именно земной (см.: [5, с. 81]). Сочинения Андреева и Камю, монотонно и страстно повторяя темы и мотивы, которые «оркестрованы самим миром», изначально заключают в себе «мощный освободительный заряд» бунта художников-философов против действительности.

Мыслители синкретического толка Андреев и Камю сделают показательный для понимания общности их мышления выбор «писать, прибегая к образам, а не к рассуждениям» (А. Камю) [5, с. 79]. Однако стоит заметить, что, может быть, не всегда логическая, но интуитивная точность рассуждений несомненно присутствует в их образно-символических системах, очевидными признаками которых являются мифотворчество (создание романов-мифов), прит-

честь, размытие граней между философией и литературой, тенденция к символизации действительности. «Философия в образах» Андреева и Камю, являясь свидетельством тотальной экзистенциальной ситуации, в которой оказался человек XX в., обращает нас к духовным истокам бунта, зримым только для философствующих писателей. Проникая с помощью художественного слова в сущность бытия, писатели, в отличие от академических философов, могут обнаружить всеобщие высшие ценности и «попытить их у истории». Таким образом, бунт, по мысли Камю, обретает свое воплощение только в искусстве (например, в художественной литературе¹) как наиболее адекватном средстве многогранного выражения «высочайшего» бунтарского порыва.

Можно без преувеличения сказать, что идея бунта является отправной точкой художественно-философского исследования Андреевым и Камю бытия человека в мире. У художников-метафизиков Андреева и Камю нет ни одного сочинения, в котором, так или иначе, не поднималась и экзистенциально не осмыслилась бы проблема бунта. Практически все без исключения их произведения можно охарактеризовать как «чистейший продукт бунтарского творчества». Философское решение проблемы бунта нашло свое разностороннее отражение в художественно-философских произведениях Андреева «Рассказ о Сергее Петровиче», «Жизнь Василия Фивейского», «Жизнь Человека», «Иуда Искариот и другие», «Царь Голод», «Мои записки», «Мысль», «Дневник Сатаны», «Иго войны», «Анатэма», «Савва», «Красный смех», «Сашка Жегулев» и в разноплановых сочинениях Камю «Гость», «Посторонний», «Калигула», «Чума», «Осадное положение», «Миф о Сизифе», «Бунтующий человек», «Праведники», «Письма о бунте» и многих других. Перечисленные выше произведения Андреева и Камю, несомненно, «являются потрясающим свидетельством единственного достоинства человека: упорного бунта против своего удела, настойчивости в бесплодных усилиях» [5,

¹ Раскрывая замысел рассказа «Бунт на корабле», Андреев в 1901 г. писал М. Горькому о том, как он задумал показать бунт: «Без слов, ибо я не знаю языка бунтующих: одни зрительные да звуковые ощущения» [4, с. 15]. Судя по сохранившимся вариантам рассказа, Андреев безусловно добился желаемого. Он изобразил зарождение бунта, как одной из важных для своего творчества тем, в звуке, ритме, игре красок, тоне повествования.

с. 81], явленного в «образах живого, дышащего слова» (А.С. Волжский).

Симптоматично, что Андреев предвосхищает интеллектуальный путь «зарождения, развития, ужаса и радости бунта» [4, с. 15], по которому потом пройдет Камю, от бунта метафизического к бунту историческому через бунт гносеологический («самоубийство логическое») и творческий («бунт в искусстве»). Камю в одной из своих философских тетрадей, обращаясь к истокам и этапам развития бунта, подтверждает радость «отказа от примирения со своим уделом» для человека: «Я не покорюсь. Я буду безмолвно протестовать до конца. <...>. Я прав в своем бунте, и я буду шаг за шагом идти к радости, этой вечной страннице на земле» [6, Т. 5, с. 42]. К сожалению, рамки статьи не позволяют вместить всесторонний анализ всех видов и форм бунта. В связи с этим я предприму попытку лишь подступиться к проблеме бунта у Андреева и Камю, контурно наметив возможности и перспективы в рассмотрении экзистенциально окрашенного понятия «метафизический бунт» в творчестве русского и французского мыслителей.

Проблемы одиночества, отчуждения, смысла жизни и смерти, свободы, абсурда, являющиеся магистральными для «полифонического» творчества Андреева и Камю, цементируются у этих писателей-философов проблемой бунта. Человек бунтующий Андреева и бунтующий человек Камю восстают против Бога, разума, традиции, культуры, морали, общества, истории (и в этом Андреев и Камю встречаются с Достоевским и Ницше). В дневнике от 1 августа 1891 г. двадцатилетний Андреев записал: «Я хочу показать всю несостоятельность тех фикций, которыми человечество до сих пор поддерживало себя: Бог, нравственность, загробная жизнь, бессмертие души, общечеловеческое счастье и т.д. Я хочу показать, что одна только смерть дает и счастье, и равенство, и свободу, что только в смерти истина, и справедливость, что вечно одно только «не быть», [что] все в мире сводится к одному и это одно, вечное, незыблемое есть смерть» (Русский архив в Лидсе. Андреев Л.Н. Дневник. 1891.05.15 – 1891.08.17. MS. 606. Е. 4. Л. 91-92). Духовный бунт андреевского «голого человека на голой земле» (см.: [1, Т. 2, с. 385]) и «абсурдного человека» Камю является бунтом, рожденным в столкновении между иррациональностью мира и исступленным желанием ясности. Человек Андреева и Камю будет стремиться к ясности мышления

и языка («борьба интеллекта с превосходящей реальностью») и равным образом безуспешно требовать прозрачности от бытия. Наделенные по праву своего рождения свободой, герои-бунтари Андреева и Камю оказываются в ситуации экзистенциального выбора – феномена, обуславливающего сущность человека и смысл человеческого существования.

В контексте идей Андреева и Камю бунт окажется неизбежным следствием «пограничной ситуации» (К. Ясперс), когда «нужно выбирать между созерцанием и действием. Это и называется: стать человеком» [5, с. 71]. В экзистенциальной ситуации, порожденной страхом, отчаянием, тревогой, чувством одиночества, заброшенности и оставленности, наступает момент «прозрения», отличительной чертой которого является экзистенциальный или метафизический ужас². Открытую впервые Л.Н. Толстым «пороговую» ситуацию «лицом к лицу» с экзистенциальными и метафизическими «данностями» существования сначала Андреев, а следом и Камю спроектируют на каждодневность человеческого бытия. Перед осознанным выбором между бунтом или сознательным отказом от бунта они поставят не протестующего раба, восстающего против несправедливого социального устройства, а героя-личность – метафизического бунтовщика, «оспаривающего конечные цели человека и вселенной» (Камю) и обладающего решительностью и смелостью принять «мир без Бога, но и без Дьявола» (Андреев).

Что же представляют собой герои-бунтовщики Андреева и Камю? Бунтующий человек у этих мыслителей – это человек, говорящий «нет». Он говорит твердое «нет» своему трагическому уделу, уготованному ему как представителю рода человеческого. Он решительно говорит «нет» абсурдному мирозданию, которым он обделен и даже обманут. И посему говорящий «нет» человек, который по своей природе изначально есть «вопрошание и бунт», – бунтарь метафизический. В письме от 1904 г. к В.В. Вересаеву Андреев, оказавшийся в своих философских размышлениях о «мире-демоне» и человеке «между да и нет», напишет: «Кто я? До каких неведомых и страшных границ дойдет мое отрицание? Вечное «нет» – сменится ли оно хоть каким-нибудь «да»? И правда ли, что «бунтом жить нельзя»? Не знаю. Не знаю.

² За Андреевым в русской литературе конца XIX – начала XX вв. прочно закрепилась репутация «певца ужаса».

Но бывает скверно. Смысл, смысл жизни, где он? Бога я не приму пока не одурею, да и скучно вертеться, чтобы снова вернуться на то же место. Человек? Конечно, и красиво, и гордо, и внушительно, – но конец где? Стремление ради стремления – так ведь это верхом можно поездить для верховой езды, а искать, страдать для искания и страдания, без надежды на ответ, на завершение, нелепо. А ответа нет, всякий ответ – ложь. Остается бунтовать – пока бунтуется...» [3, с. 404-405].

Камю словно продолжает «бунтарскую мысль» Андреева, но при этом в своих размышлениях идет значительно дальше. Бунтующий человек, по мысли Камю, отрицая, не отрекается. Человек бунтующий – человек, одновременно с «нет» говорящий «да». В «да» бунтующий человек утверждает собственный бунт («нет») как готовность восстать и сражаться против всего мира. Именно своим «страстным утверждением» бунт отличается от простого возмущения, несогласия или мятежа³. В любом внешне негативном бунте, взламывающем бытие и помогающем человеку выйти за его пределы, скрыт глубокий позитивный смысл, указывающий на наличие в человеке того по-настоящему для него важного, что требует защиты. Человек бунтующий в своем первом, а потому истинном порыве протестует против посягательств на себя как такового. Он осознанно борется за целостность своей личности, за свое единственное и неповторимое «Я». Именно по этой причине многие бунтари принимают смерть или заканчивают жизнь самоубийством⁴ в своем бунтарском порыве, являющемся следствием метафизического прозрения «мировой скорби».

Метафизические бунтари Андреева и Камю в своем бунте впадают в крайнюю непримиримость «Все или ничего». В границах, предо-

пределенных судьбой и природой (Камю) или же «роком, дьяволом или жизнью» (Андреев), человек всегда имеет право на бунт против «страшного мира» абсурда – дочеловеческой и внечеловеческой всеобщей бессмысленности мироустройства. Непрерывный, героический и безнадежный бунт, по Андрееву и Камю, является единственно верным следствием из ответа на вопрос: «Как можно себя вести, если не веришь ни в Бога, ни в разум?» [8, р. 1427]. Человек бунтующий бросает вызов Богу⁵, богам, року, судьбе, человеческому знанию, своему разуму, смерти, природе, и это наполняет его существование смыслом в мире, где «не на что опереться ни в себе, ни вовне» [7, с. 327]. Свобода «быть против» позволяет человеку противостоять равнодушному «молчаливому» миру и принимать свою судьбу даже через бунт «молчаливый», «тихий». «В бунтарстве есть страсть к свободе. <...> Бунту не может принадлежать последнего слова, но на путях человека ввысь бунт может играть огромную роль» [2, с. 64]. Выбранный человеком бунтующим путь бунта есть его восстание против своего удела и против всего мироздания. Так, последняя и окончательная истина абсурдного мира (Андреев и Камю поставят своих героев «лицом к лицу» с абсурдом) является собой вызов не смиряться с «миром боли и страданий» вопреки безнадежности. И это и есть метафизический бунт как дерзкое несогласие человека с миром абсурда. У Андреева абсурд – Он, или Некто в Сером – «верный спутник Человека во все дни его жизни, на всех путях его» [1, Т. 2, с. 444]. Именно Некто в Сером (главный герой философской пьесы «Жизнь Человека», а не Человек⁶) безразлично констатирует брошенность человека в «бытие-к-смерти» (М. Хайдеггер): «Так умрет Человек. Придя из ночи, он возвратится к ночи

³ Вспомним, что Иван Карамазов Достоевского начинает бунтарским порывом, а заканчивает метафизическими восстаниями.

⁴ Для Андреева метафизический бунт часто является выходом, ведущий в Никуда, в Пустоту. Андреев конструирует бунт как субъективный порыв онтологического отчаяния, за гранью которого есть только безумие и ужас, самоубийство и смерть, на примере многих, но не всех своих героев показывая обреченность такого бунта. У Камю в бунте метафизическом заложено созидательное начало. В связи с чем самоубийство как «примирение с абсурдом» и бунт как «созидатель вселенной» логически противоречат друг другу. Бунт «придает жизни цену», потому как абсурд имеет смысл только тогда, когда с ним не соглашаются.

⁵ Необходимо сказать несколько слов об этапах метафизического бунта в философии Камю. Сначала бунт метафизический не посягает на устранение Бога. Он бросает вызов Богу, но этот вызов предполагает разговор «на равных» (первые страницы андреевской повести «Жизнь Василия Фивейского»). Но со временем разговор человека с Богом (а чаще всего это монолог человека) начинает предполагать полемику, воодушевляемую желанием взять верх. Человек начинает требовать у Бога справедливости в мире, где «все плачут» (финал «Жизни Василия Фивейского»).

⁶ Примечательно, что Андреев не дает своему герою имени собственного. Именем нарицательным «Человек» Андреев показывает, что его персонаж во всем подобен другим людям.

и сгинет бесследно в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем» [1, Т. 2, с. 444].

Размышления Андреева и Камю над идеей бунта приводит мыслителей независимо друг от друга к мысли о том, что человек бунтующий – человек, живущий до или после священного (герои-богоборцы Андреева и Камю). Метафизический бунтарь требует человеческого порядка, при котором ответы будут человеческими, а именно – разумно сформулированными. Однако человеческий разум, человеческое разумение, жаждущее ясности и единства, сталкивается с «неразумным молчанием мира» (Камю), где «так много богов и нет единого вечного Бога» (Андреев). Бунтовать против «невыносимого» мироустройства, против «увиденной бессмыслинности», «непонятного и несправедливого удела человеческого», против, наконец, «смерти Бога» будут андреевские идеологи-бунтари Сергей Петрович, Керженцев, Василий Фивейский, о. Иван, Савва, Иуда Искариот, Магнус, дедушка из «Моих записок», Человек из «Жизни Человека» и метафизические бунтари Камю Мерсо, Калигула, персонажи «Чумы», Сатана, Прометей, Сизиф, Дон Жуан, братья Карамазовы и иные. Эти герои-бунтари Андреева и Камю станут решительно и смело заявлять, что они обделены и жестоко обмануты самим мирозданием. Они будут безуспешно стараться разорвать «круг железного предначертания», «с темным началом и темным концом» (Андреев). «Люди умирают, и они несчастны» [6, Т. 1, с. 259], и «все бедные. Все плачут. И нет помощи!» [1, Т. 1, с. 516] ни на земле, ни на опустевших небесах. А потому «даже сама скорбь лишена смысла» [6, Т. 1, с. 314]. Следовательно, вместо «мировой скорби» остается лишь бунт «мятежного духа» в обезожженном абсурдном мире.

Любой бунт у Андреева и Камю есть прежде всего борьба человека за свое человеческое достоинство. Метафизический бунт предполагает признание величия земного существования, а значит и утверждение величия самого человека. Вот почему Человек в «Жизни Человека» показан Андреевым в образе «рыцаря» без меча и щита (Дон Кихот ХХ в.), который хочет и может до конца воевать со своей судьбой. И это свое достоинство андреевский Человек и бунтующий человек Камю утверждает уже тем, что даже будучи безоружным, борется за свободу и справедливость, честь и достоинство, любовь и творчество, жизнь вопреки смерти, смысл своего существования, а не мирится со своим

униженным положением. Метафизический бунтарь «вечно возобновляет противостояние загадочному бытию» несмотря на трагическую убежденность в неуспехе. Но бесполезность нимало не ослабляет бунта, она его только разжигает (см.: [6, Т. 5, с. 42]). Бунт является определяющей идеей для понимания экзистенциального смысла свободы у Андреева и Камю, которая всегда неизменно трагична, ибо рождается из внутреннего раздвоения человеческого духа, бьющегося без надежды над неразрешимыми вопросами бытия.

Зрелый Андреев, как и впоследствии поздний Камю, придут к общему для них мнению, что метафизический бунт не может быть вызван эгоистическими порывами индивидуальной души. Только в подлинном, а не мнимом, показном бунте рождаются все универсальные гуманистические ценности. Камю будет утверждать, что для себя самого индивид вовсе не является той ценностью, которую он хочет защищать. Во вселенском бунте человек сближается с другими, у него возникает чувство «сопричастности», «братьства», «общности», и с этой точки зрения человеческая солидарность является метафизической. Экзистенциальная «философия бунта» Леонида Андреева и Альбера Камю, актуальная и по сей день, есть утверждение не только бытия отдельного человека (я бунтую, следовательно, мы одиноки), но и возможной общечеловеческой солидарности, смысл которой раскрывается в знаменитом перифразе Камю: «Я бунтую, следовательно, мы существуем» [5, с. 198]. Говоря о «солидарности, рождающейся в оковах», Камю подчеркивает, что бунт открывает в человеке то, за что всегда и до последнего вздоха стоит бороться. И именно в противостоянии-борьбе против «мира такого, какой он есть» человек становится человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1990-1996.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
3. Вересаев В.В. Леонид Андреев // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1961. С. 395-421.
4. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 72. М.: Наука, 1965.
5. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.

6. Камю А. Сочинения: в 5 т. Харьков, 1998.
7. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр. М., 1989. С. 319-344.
8. Camus, A., 1965. Essais. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade.

REFERENCES

1. Andreev, L.N., 1990-1996. Sobranie sochineniy: v 6 t. [Collected works in 6 volumes]. Moskva. (in Russ.)
2. Berdyaev, N.A., 1991. Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii) [Self-knowledge (An attempt of philosophical autobiography)]. Moskva. (in Russ.)
3. Veresaev, V.V., 1961. Leonid Andreev [Leonid Andreev]. In: Veresaev, V.V., 1961. Sobranie sochineniy: v 5 t. T. 5. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, pp. 395-421. (in Russ.)
4. Gor'kiy i Leonid Andreev. Neizdannaya perepiska [Maksim Gorky and Leonid Andreev]. In: Literaturnoe nasledstvo. T. 72. Moskva: Nauka, 1965. (in Russ.)
5. Camus, A., 1990. Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo [The rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moskva. (in Russ.)
6. Camus, A., 1998. Sochineniya: v 5 t. [Works in 5 volumes]. Khar'kov. (in Russ.)
7. Sartre, J.-P., 1989. Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is humanism]. In: Sumerki bogov. F. Nitsshe, Z. Freid, E. Fromm, A. Kamyu, Zh.-P. Sartr. Moskva, 1989, pp. 319-344. (in Russ.)
8. Camus, A., 1965. Essais [Essays]. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade. (in French)

